

дующее обращение к слушателям или читателям: «Ты, эвпатрид, смеешься, я знаю это, над Муталаской; еще бы ты, который гордишься постройками из тесаного камня и обожженной глины, огромными стенами, башнями, величественными гробницами, твоими героями и оттуда выводил своих предков, а самое благородство ставишь в зависимость от величественности размеров, ширины улиц, высоты колоннад, изящества театров, ипподромов и гимназий! Я же смеюсь над твоей Троей, сооруженной богами, и над Фивами, воздвигшимися через волшебную игру лиры, но дивлюсь Муталаске». Подобная картина могущественного города с гордой знатью, тяготеющей к зрелищам бегов, а в театрах любующейся мимическими представлениями басен древности, может относиться только к Константинополю, но никак уж не к Афинам.

Мелетий придал новую жизненную силу греческому монашеству, которое вообще издавна своим развитием было связано реакцией против реформы императоров-иконоборцов, тогда как эти последние тщетно пытались спасти клонившееся к упадку государство путем насильственного искоренения монашества.

Первые Комнены, напротив того, заключили с монашеством союз, чтобы удержаться на престоле, наделили монастыри именьями и привилегиями и с легким сердцем обратили светскую свою власть на служение инквизиции против еретиков. В XII веке монашество уже господствовало над всем в Византии — над обществом, церковью и государством. Монашеством же и была задущена гражданская жизнь греков. Целые толпы хищных монахов верхом, вооруженные дубинами и луками, в сопровождении дикой челяди, искрецивали весь край, собирая с него поборы. Они обращали еретиков в правоверие, изгоняли бесов из простонародья, а у искомных владельцев отнимали именья и поля. Так, по крайней мере, живописует монашество архиепископ Евстафий Фессалоникский в исследовании о монашеском состоянии, написанном хотя и с осторожной воздержанностью, но прямодушно.

4. Тем временем и на Западе, и на Востоке совершались великие события, которые оказали решающее влияние на судьбы Ви-